Следующий день с самого восхода солнца над Барнаулом, ласково прозванным Барнеаполем, выдался невыносимо жарким, как будто на улице не май, а плавивший разум июнь. Такова судьба сибирского резко континентального климата: трескучие морозы тотчас же сменяются такой же жарой. Порой и вовсе из минус сорока температура воздуха незаметно переходит в ту же цифру, но с плюсом - будто небожители играют с душем. Даже такому затворнику, как Стёпе, перспектива тухнуть в четырёх стенах, откровенно не нравилась. Некогда привыкший к своему бардаку его житель, избавившийся от мусора, продолжал чуять его трупную гарь. И парень-скрабблер решил предложить Кире погулять в парке, наестся мороженного и просто приятно провести время.

-Кира!

-Чего, пухляш?

-Хочешь сбегать прогуляться в парк?

-Ну, давай... - сказала Кира, кокетливо пожав плечами.

-Слушай, мне кажется, или нас с тобой могут... неправильно понять? Просто ты вроде и человек, но довольно странный человек. - сказал Стёпа своей зазнобе. - Даже моя мама недовольна, когда видит меня с тобой; что же скажут посторонние люди, которых я так стесняюсь?

Что правда, то правда: у Реалистов везде были глаза и уши. К счастью, Стёпа читал о них только в Интернете, да и то один раз: вся информация о них была внезапно зачищена. Так что он не знал истинной причины своего беспокойства, думая лишь о том, что если он будет гулять с нарисованной девушкой, прохожие будут смотреть на эту влюблённую парочку косо.

Ну да, один узнает, второй раструбит, третий выложит в Интернет, а там и до самого зоркого ока Луи Максвелла недалеко. Его приказ - и они умрут, как Ромео и Джульетта, в один день. Да, это романтично, но всё же Стёпе и Кире хотелось жить... Хотелось жить, хотелось дышать вдвоём, хотелось встречать рассвет, любоваться закатом, есть мороженное, прыгать по лужам, смотреть кино...

Итак, назрел вопрос: а как же скрыть свою девушку от чужих глаз? В шкафу одиноко висело пальто - если его напялить, то Киру примут за сумасшедшую, а если обернуть её шторой - то выйдет угнетённая женщина Востока...

-Слушай, у меня есть одна интересная идея. - сказала Кира. - Из неоткуда она достала небольшой пульт.

-Какая?

-Вот. Смотри. Ты ведь когда-то считал меня воображаемой девушкой?

-Да. - сказал Стёпа.

Стёпа придумал Киру ещё несколько лет назад, задолго до того, как он сумел воплотить свою любовь в реальности. У многих в детстве были воображаемые друзья и не только; например, Маше почудилось, что у неё под кроватью завёлся монстр и внезапно он стал её лучшим товарищем, ожив. Стёпа же выдумал себе идеальную девушку, сидящую легчайшим флёром у него на коленях на фоне распахнутого окна, уже тогда, когда чистые глазёнки детства съели вместо устриц алчные мариванны да такие же алчные угри на роже. На жаргоне битардов такое существо принято называть тульпой. Слово это выдумали охочие до разнообразных мистических практик люди с неприступного Тибета, назвав паранормальное существо или объект, созданное с помощью силы мысли и обладающее самостоятельностью, или как в случае с битардами - серыми кардиналами Интернета - воображаемую девушку, по сравнению с которой даже самая лучшая реальная особь женского пола оказывается либо грязной шлюхой, либо противной сукой, либо мерзкой стервой, либо надутой дурой, либо немытой бомжихой, либо противоестественным чудовищем и самим воплощением уродства, на которое даже самый небрезгливый и сексуально озабоченный девственник не позарится.

И ещё недавно видевшаяся ему лишь в больном воображении Кира была его музой, вдохновлявшей парня-задрота на безумства и подвиги. Это была ламповая няша, ламповая тян.

-Кажется, я могу сделать так, чтобы меня видел ты и только ты. - сказала Кира и нажала на кнопку пульта, на котором было написано "Режим Тульпы". Её фарфоровое тело тотчас же стало полупрозрачным.

-Слушай, а ты... не исчезнешь? - робко поинтересовался Стёпа.

-Нет. - ответила ему Кира.

-И сколько это будет длиться?

-Это будет действовать в течение 24 часов. Так что мы можем делать с тобой, что захотим.

-Пойдём. - сказал Стёпа, надевая новые кроссовки. Их полгода назад купила мама в надежде на то, что её сыночка-корзиночка наконец-то займётся спортом. Теперь, кажется, настало их время. Помимо этого, на парне были полосатая бело-жёлтая футболка и лёгкие джинсы.

Пройдя лабиринты родного барнаульского подъезда, влюблённая парочка попала во двор - тот самый двор, в котором он когда-то повторил фокус скульптора Пигмалиона. Не обращая внимания на дыры, пробитые огнём в металле бочки, в которой недавно вчерашний хикикомори сжёг часть коллекции манги, Стёпа Покровский и его дикая элегантная кошечка, которую он вёл за руку, перескочили через двор и направились в сторону дороги, отделявшей их от парка. Светофор, по закону подлости, загорелся красным, и тут же по шелестевшим

листам газеты, которую кто-то уронил, проехались мириады колёс, втоптав её в асфальт стальным табуном сверкающих автомобилей.

Но для Стёпы и Киры загорелся зелёный, и они перешли дорогу. В воздухе пахло весной и вечной юностью. Шёл какой-то незнакомец в спортивном костюме, но для молодого и наглого гопника он был слишком потёрт жизнью и обрюзг. Он был единственным, кто омрачал идиллию.

Парк был совсем рядом. Кругом царило благоухание, но как это водится, оно было с небольшой перчинкой... По старой доброй традиции, он был не в самом лучшем состоянии: тут и там валялась грязь, окурки, пивные бутылки, одна из извилистых дорожек, посыпанных гравием, была изгажена голубиным помётом, а в густой траве по соседству успел отложить наглую кучку чей-то верный доберман. Одна из урн была смачно перевёрнута, высыпав на радость защитникам природы всё своё содержимое. Стволы уже раскинувших свои величавые зелёные кроны деревьев были побелены по старому советскому обычаю, да и на скамейках то и дело попадалось чьё-нибудь едкое словцо, состоящее из трёх букв.

Иногда археологи находят в земле какие-то камни с надписями, глиняные таблички... Спешим их обнадёжить: вдруг это не тайны жрецов, не отрывки эпоса былых времён и не рунные календари, а надпись, которая переводилась как "ШНУРОК ЛОХ"? В истреблённых вулканом древнеримских Помпеях, говорят, таких ругательств, начирканных шилом о имперский мрамор, подобно тому, как детишки вырезают всякие сердечки на партах втайне от ненавистных им учителей, было видимо-невидимо... У кого заводилась краска, свободная для всякого баловства, те малевали надписи ею: так зародилось искусство, перенятое впоследствии таинственным Бэнкси и таким же неизвестным местным художником из соседнего двора, оставившим на поросшей мхом стене электрощитовой большое, яркое граффити - сине-розовую надпись "DECOY". Одна из капель краски упала на муравейник у подножья, оставшись там фиолетовым пятном. Виды городского дна неизменны, и даже анимкады были поражены насквозь сей скверной.

Но в животе у Киры и Стёпы играли бабочки. Они купили в палатке мороженного в вафельных стаканчиках и сели на скамейку, наслаждаясь зеленью парка и обществом друг друга. И пусть постороннему человеку Стёпа казался вальяжно раскинувшимся эгоистом, но на самом деле они обнялись вместе.

http://tl.rulate.ru/book/66622/1805288